

I.

СКИТАНИЯ ПАМЯТИ

(или размышления о сложном, не покидающем память)

Что такое человек? Откуда и куда вьётся дорога его жизни? Что хранит его память? Что есть время на этом пути – миг или вечность? Кто оценит пройденное и не пройденное – поддержит ли, осудит?.. Пойдет следом или кинется прочь, торопясь и оглядываясь тревожно?

Дороги, дорожки, тропинки... Ведущие нас по жизни. Дарующие нам удивление и радость движения, да свежесть встречного ветра, да волнующую новизну, а ещё – надежду, чуть тронутую горечью осознания неизбежности конечной остановки... Увы – не «по требованию», а замедляющую шаг и охлаждающую душу своей неотвратимостью, обязательностью... Как ни петляй, ни изворачивайся – она дожждётся тебя, преградит и оборвет движение, поглотит навеки. Никто не избежал и не сможет избежать этой последней остановки, как ни был бы извилист путь или хитер идущий. Вся разница лишь в том – куда и как пойти, кто поведет тебя по этим неведомым дорогам, и сможешь ли ты сам уже повести кого-то к далям и горизонтам...

Скитания памяти... Нелегкий, небыстрый путь. Дорога, конца которой быть не может, не должно быть. И нет иных попугачиков у незримого скитальца – лишь тот таинственный, негаснущий свет, что легко и счастливо оставлен был когда-то душами, умевшими творить добро. Потому и не стоптать дорожных сапог, не сбить подошвы камнями и неровностями того бесконечного пути – лишь сердце касается их, отзываясь то болью, то радостным трепетом, то тихой печалью.

Помнятся мне многие дороги. Мои и не мои. Но мысленно я прошла по ним тоже, рука об руку с дорогими мне людьми, которых нет уже со мной, а память вот всё продолжает полниться и тревожиться мгновениями их жизней, мыслей, шагов и остановок на пути от детства к вечности. Вернуться бы туда, в эти мгновения, – крикнуть что-то, изменить, повлиять, оберечь – но голос гаснет уже в мыслях, ноги становятся ватными и лишь ощутимо бьётся где-то у виска пульсирующая в тесной жилке жаркая кровь...

СТАРЫЙ КРЮЧОК

...Вот я с детьми и многочисленными сумками, сумочками и чемоданами, набитыми одежками на всевозможные виды погоды летних дней, наполняю притихший дом моего дедушки гвалтом и беготней, звонкими крикливыми голосками и беспорядком – это мой отпуск и наш приезд! Начались дожди – поначалу долгожданные, но вот уже и неприятно-бесконечные, серые, холодные. Из дома не высунешь детский нос, а всё уже изучено до мелочей – требуется новизна! Кажется, что небо прохурилось именно над нами и неудержимо роняет потоки воды; лужи всё глубже и глубже разъедают песчаные дорожки, проникают в сад и заполняют собою тихую улочку – о походе в лес только мечтается... Вот уже и вся неделя протекла в томительном ожидании – даже мой старенький уже дедушка тоскливо поглядывает в серое окошко – не проясняется ли?

И вдруг – о чудо! На старых грушах под окном перестали кланяться намокшие насквозь листья, плакавшие тяжелыми каплями, а вмиг озорно заблестели на солнышке своими отмытыми ладошками, готовые от радости хлопать друг по дружке – налегке! Тут уж не удержать никого! Все кинулись одеваться в сапоги и курточки, путаясь в рукавах и штанинах, падая и смеясь от возбуждения – скорее, скорее! Закачались весело пёстренькие, пошитые и повешенные моим папой, занавески в проёмах без дверей, опрокинулась в спешке табуретка, что-то ещё упало, стукнув по деревянному полу и покотившись под стол. Хлопотливо и радостно звякнул потревоженный крючок на дверце дальнего коридорчика, раньше выходившей прямо во дворик с рыжим «клевачим» петухом, а теперь оказавшейся глубоко внутри дома, обросшего сенцами и пристройками – спасением от морозов. Все эти звуки весело подгоняли и сулили долгожданную волю, неохотно затихая в огромном доме, уже показавшемся нам всем «местом лишения свободы»...

Звякнувший крючок был необычный, с «секретом» – он держал дверь изнутри не только войдя «носом» в свое кольцевое «гнездышко», но и будучи приставлен к нему слева, едва касаясь колечка снаружи – как магнитом удерживался и легко было войти, слегка толкнув дверь с обратной стороны! Крючок послушно падал мимо петельки, раскачиваясь и ударяя своим тощим телом по стареньким доскам двери, и извлекая из них мерный затихающий звук, так схожий с отголоском колокольного; дверь же приветливо плыла навстречу и приглашала шагнуть в дом.

Давно не слышанные и забытые звуки, разбуженные крючком, вонзились вдруг в память остро и щемяще – зажмурившись, я ощутила на плечах старенькое линялое платье и тяжесть неловко и спешно заплетенных косичек, тепло некрашенных дощатых полов под босыми ногами и даже запах крошечного керогаза, пламенем которого так вкусно изжаривались на закопченной чугунной сковороде ярко-оранжевые, с белым обрамлением, глазуньи из редко находимых в курином сарайчике яиц, и даже вспомнился холодок страха перед вредным и задиристым рыжим петухом – хозяином двух курочек и маленького дворика, предварявшего садовые калитки...

Неожиданно дедок объявил, что тоже идет с нами в лес, и наконец-то покажет нам свой любимый «просек», который мы безуспешно пытались отыскать меж ёлок в первых своих походах «за комарами»!

«Скорее, скорее!» – Почти вприпрыжку все мы завернули за угол, дружно чавкая сапогами по солнечным бликам в каждой луже, достигли первой лесной поляны за домами улицы Партизанской и сразу вбежали в мокрый лес. Со всех веток и хвоинок докапывали остатки дождя, сияя и искрясь на солнышке каждой капелькой.

Дедок ходко семенил, опираясь на палочку, и нас неудержимо влекло все вперёд и

вперёд! Тем не менее, день давно перевалил за свою середину, стало ощутимо припаривать, и от земли повеяло пряным и свежим... Ягоды земляники там и тут манили зелёным и таким огромным своим глазом – «разъелись» от влаги, но не покраснели ещё. Грибов не оказалось даже в любимом «просеке» – и как мы могли проглядеть его в прошлый раз? Ведь вот же он – красавец!

Захотелось пить и съесть хоть корочку

хлеба, но всё осталось на веранде, забытое в судорожной спешке! Детки-малолетки стали попискивать, и мы наконец повернули в сторону дома. Устав с непривычки, решили не продираться меж сосен по корням и шишкам, а возвращаться по песчаной дороге.

И тут случилась беда – дедушка Тиша, не рассчитав своих почти 90-летних сил, стал искать место для отдыха – ноги начали дрожать от усталости. Меня охватил ужас – сесть нельзя на мокрую землю, да и не встанешь потом с низкого! И как назло – ни пенька, ни дерева лежащего... Кое-как вывела его под руку из леса, стала «заговаривать зубы». А впереди – только мокрая, лужистая дорога с громадными соснами и «новогодними» красавицами-ёлочками по бокам. И – ни души кроме нас и галдящих птиц... Солнце медленно садится и нещадно бьёт нам в глаза, слепит и кусается: «Просили – вот я и появилось!» С каждым шагом всё трудней и трудней удерживать слабеющего дедушку. Он всё медленнее и деревяннее переставляет ноги, стараясь из последних сил...

Пот, смешиваясь с отчаянием, щедро струится по горячим лицам и жмурящимся глазам, стекает ручейками вниз, под рубашку и даже ниже. Останавливаться нельзя – считаем шаги и очень медленно, как в тяжёлом сне, бредём навстречу солнцу. Вот оно уже совсем «допекло» – и не рады мы ему – а вернуться некуда...

Так и бредём – с красными блестящими лицами, напряженными и искаженными болью и мукой. Изредка дедушка шепчет сухими губами: «Вот сейчас дойдем до поляны, и дети сбегают за табуретом к кому-нибудь. Я сяду, отдохну, и дойду до дома!»

Усталые и тревожно притихшие его правнуки медленно сопровождают нашу вынужденную процессию и по очереди пытаются отвлечь и подбодрить нас. Но голоса их становятся всё тише и печальней, шажки всё короче и короче...

А это безжалостное солнце! И ни одного облачка на свежевымытом небе – рыжий зловещий шар кажется стреляющим в нас ярким и жарким залпом – миг за мигом – как автоматной очередью из бесконечной ленты, истомившейся долгим ожиданием своего часа...

Начинает стучать в висках, сохнет во рту и язык кажется чужим, ненужным. Нарастает отчаяние, пот заливает глаза и уголки рта, солит всё подряд. Дедушкина рука всё тяжелеет и мои уже ноги, тоже шаркая сапогами, еле семят по мокрому песку рядом с дедушкиными. И нечем закрыть это солнце, это невыносимо едкое солнце! – «Где ты, дождь?»»

Наконец, в обозримом пространстве, начинает маячить долгожданная поляна. Может, на ней есть люди? – Увы... А силы вот-вот иссякнут! Решаюсь на отчаянное – даю детям ключ и прошу сбежать домой и скорей нести нам навстречу табуретку!! Завладевшие ключом впервые и распираемые важностью и срочностью задания, дети обрели второе дыхание – побежали одни по Партизанской улице, свернули вправо на родную Учительскую к дому № 28. Спасение уже близко!

– Но что это? – Дружный заливистый рёв вспорол вечернюю тишину безлюдной улицы – табуретки нет, а перепачканные слезами, красные, чумазы ребятишки прячут глаза... Конечно же, они не поделили, кто «отомкнёт табуретку для дедушки Тиши!» и, толкая друг друга, ударились о дверь, задели внутреннюю «клямку», а та с шумом и лязгом упала прямёхонько в своё изогнутое ложе и... замкнула дверь изнутри! Висячий замок-то сняли, а войти внутрь всё равно невозможно! Что только не пронеслось в моём закипевшем мозгу, какие кары и зверские наказания мысленно не обрушились на этих «горе-помощников»!

И тогда дедушка прошелестел: «Вот так и на войне часто было – близок локоть, а не укусишь!» Дети встрепенулись – а ты расскажешь нам про войну, когда войдем в дом?

– Конечно расскажу... Когда войдём...

Не помню уже, что и как я придумывала и каким образом – но бедный мой, любимый до беспамястства, измождённый дедушка всё же дотянул до старого продавленного дивана с двумя круглыми жёсткими и засаленными валиками, рухнул прямо на последнем шаге и блаженно улыбнулся – выдержал, дошёл!.. Сквозь муку бессилия так гордо светились его глаза!

Скорее всего, тогда нас выручил именно тот старенький забавный крючок, приставленный своим боком к колечку и весело упавший мимо него, зазвенев от важности такой счастливой миссии – впустить нас в дом через дальнюю дворовую дверь... Наверняка кто-то из детей, несмотря на запреты, – не застегнул, а именно прислонил его, не поборов детскую тягу к необычному и потому притягательному! А мы, в спешке и к счастью, не досмотрели...

...Это нещадно-злое, злорадное даже, солнце долго преследовало меня в навязчиво повторяющихся снах, заставляло обильно потеть лицо и часто биться сердце, тревожиться мыслью: «Дотянем ли, дойдём ли? Довежу ли я, осилю?» И как

безмерно далека казалась та залитая солнцем дорога, как мучительно-трудна и неодолима... Как тяжелы были шаги по ней!

... А спустя годы, я всё бы отдала, лишь хоть на миг ощутить бы вновь эту тяжесть родной руки, хрипкое натруженное дыхание рядом и жгучий жар солнца на лице, – хотя бы на миг, но чтобы успеть сказать дороговому мне человеку, как он нужен мне, нам всем, как любим и незаменим никем и ничем в этом мире...

А ведь сколько этих миггов было в моей власти? – Только говори и говори – даже шепчи – услышит!

... Не вернуть теперь ни этой дороги, ни солнца, ни дедушки... Жестоко. Жестоко и больно уколотся о тишину и холод вечной разлуки.

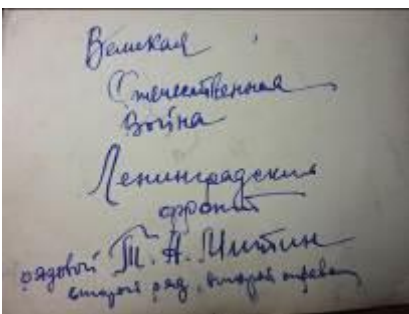
НЕВЫТЕСНЯЕМОЕ ...

... Как мало и скупое говорил он тогда о войне. Муки усталости физической усиливались муками и болью воспоминаний – ведь не только та лесная мокрая дорога отняла силы – за плечами – почти 90 лет и столько боли, горечи потерь и пережитого тяготит память...

... Голос у дедушки часто срывался на сип от близких слёз, становился тонким и дрожащим... Притихшие дети жадно ловили каждое слово, шёпотом повторяя: «снаряд Ванюша», «Глейвиц», «блокада Ленинграда», «Венгрия», «Одер», «переправа», «рукопашная»... Теперь лишь, ощутив смысл коротенькой фразы «за

сорок» на собственной «шкуре» так сказать, я начинаю осмысливать, что в 1941 году дедушке Тише исполнилось... 42 года! И была пройдена им первая мировая, а новая беда – всеобщая – заставила вновь надеть солдатские сапоги, шинель и спешно, почти бегом от наступающих немцев, догонять свою пехоту. В 42 года – как молодому – забыть о себе, о семье, об

усталости и болезнях... Пешком проделать весь трудный путь до Берлина и даже дальше – на японский фронт. Уцелеть и выжить, за доблесть и отвагу в боях получить награды. Потерять лучших друзей на дорогах войны. Не умея плавать – входить в реки. Месить сапогами грязь дорог и голодать. Мерзнуть на ветрах и изнывать от зноя. Победить врага наконец!

... Заминка вышла из-за сборов на фронт старшего сына Фёдора, вместе с которым они и ушли на войну, оставив в родной Белоглавой большой добротный дом и свою любимую семью: жену и мать Евдокию (мою будущую бабушку) с двумя младшими детьми – Виталием и Женей (моим будущим отцом), тогда десятилетним пацаном. Там же обитали и сестры Евдокии – юная красавица Зинушка и Анастасия,

растившая сыновей Василька и Адика одна – муж Мефодий сбежал к другой, бросив их. Племянник Алик, родителей которого вскоре расстреляют немцы. Корова и всё хозяйство. Всё, всё самое дорогое и единственное – оставлялось во власть жестоких фашистских захватчиков...

К концу войны он станет старшиной и будет командовать пятью молоденькими солдатами – как сыновьями по возрасту – и увидит их гибель в майских боях за Берлин, накануне Великой Победы... За плечами будет оборона Ленинграда и прорыв блокады, освобождение Праги, Венгрии... Ледяной страх перед черной холодной стихией реки Одер... Наводящие ужас звуки летящих на голову бомб и рвущихся в паре шагов снарядов... Жуть рукопашных и кровь врага на собственных руках... Слезы наших детей и старух в освобождаемых городках и селах... Дети и женщины поверженной Германии, просящие хлеба... Знамя, спасенное им из окружения и вынесенное на собственной груди, отбросивши страх за себя (в случае пленения – верный расстрел)... Орден Отечественной Войны II степени, медали за Отвагу, Боевые заслуги, За оборону Ленинграда и Победу над Германией...

Безмерно жаль, что тот скупой рассказ остался лишь в непрочной теперь памяти и не повторен больше – уж очень больно было это вспоминать дедушке, а я его щадила, не просила больше беречь душевные раны и память тех страшных лет... Эту непоправимую ошибку теперь никогда уже не исправить, не искупить никакими оправданиями и побуждениями – поздно, поздно... Лишь пронзительные строки Окуджавы – «Простите пехоте...» жгут душу каждый раз неумолимо и беспощадно.

Да и награды все погибли в пламени сгоревшего «гнезда» – этого дома моего детства, осиротевшего и опустевшего после смерти дедушки на 91-м году его нелёгкого жизненного пути. Как нелепа была моя по-детски наивная глупость – ничего не трогать в родном доме, оставить до следующего приезда «всё как было при дедушке!»...

...Помню неяркий свет старенькой настольной лампы в маленькой дедушкиной комнатке, густую ночную темень вокруг. Дедок сидит за деревянным столом в круге этого

тусклого света. Ящик стола с чистыми листами писчей бумаги внутри выдвинут и на нём устало лежат натруженные, заскорузлые руки в потёртой, но любимой кофте, проеденной молью и хранящей в одном из дырявых карманов подаренный мною морской камушек с Севастопольского пляжа. Дедочек любит нашаривать этот камешек рукою и иногда машинально тянет ко рту – как конфетку – ведь он гладкий как карамелька... Свет выхватывает у ночи часть грустного лица с подстриженными мною накануне седыми прядями по бокам; острые колени в замусоленных брюках. Тихо и мерно стучит механизм карманных круглых часов на цепочке, дедушкины руки дрожат и переключают эти часики, то поднося их ближе к уху, то – к глазам; то опять грустно теребят – рано утром я должна увозить в Орёл своих утомлённых сборами и прощаниями «петушат». Вещи уже уложены и загромождают полдома, пугая обилием и многочисленностью «мест». Из верхнего угла коридорчика, из

грубой фанерной коробки со стеклом впереди, подаёт безжалостный голос громко тикающий будильник – отсчитывает последние часы перед разлукой. Я медленно и не иду спать, хотя падаю от усталости и тревоги, от неизбежной потребности ехать к работе после истечения всех возможных видов отпуска. Невыносима даже мысль о том, что уже вечером я буду в другом городе и другом доме, а мой дедушка останется тут – один одинёшенек... Сердце разрывается от боли и невозможности это изменить или предотвратить... Мы молчим. Слушаем тиканье часов и изредка грустно ищем глазами друг друга...

В полумраке начинающегося рассвета проступают очертания самодельной

высокой этажерки у дедушки за спиной. Вся она заполнена бережно упакованными в газетные свёртки письмами – от каждого адресата в свой, отдельный, и их немало. Там хранятся и мои, детские ещё – «Маринокарли» – письма и рисунки. Частые и толстые письма от моего папы. Редкие – от «Гуся», т.е. Вити из Брянска. От ставших отцами и уже дедами – Адика и Василька из далёких Нальчика и Лиепаи – куда их

забросила жизнь и куда, бросив всё в одночасье, рыдая от горя и разлуки с родиной, метнулась выхаживать парализованного сыночка, капитана 3-го ранга моя бабушка Ася, теперь уже без шансов вернуться обратно... Письма из далёкого пыльного Прокопьевска, где оказался «раскулаченный» труженик Гордей Васильевич Казанцев – родной брат моих бабушек Евдокии, Аси и Зинушки, всего один разочек приезжавший летом погостить к ним, мечтавший купить домик по соседству и доживать свой век на родине, но скоростижно скончавшийся буквально в этот же год, так и не успев ничего... Письма из Москвы от внучки «Оленокарли». Много других писем. Знаю, что все они не раз читались и перечитывались вслух дедушкой долгими зимними вечерами – для бабушки Евдокии, папиной мамы, которую все в Жуковке называли просто Дуней, или Василевной (с ударением на «е»), или звучно и ёмко – Митихой – по фамилии мужа, как и других старух (Колчиха, Яковлиха, Стёпиха...). Когда её не стало – дедушка всё равно продолжал читать эти письма снова и снова – уже только для себя – и опять заботливо заворачивал и укладывал на этажерку...

Единственное, что я догадалась и посмела увезти из этого родного дома, уже после ухода дедушки, – это свёрток папиных писем и дедушкины заметки в амбарной книге – он вёл кропотливый дневник бытия – привычка бухгалтера старой выучки. Больше не вмещали мои сумки, забитые детским скарбом. А вот военные награды я не посмела взять... Почему? И очень хотелось мне дедушкину виту, белого металла шкатулку, хранимую где-то высоко над печью – с самым дорогим. Я даже не заглянула в неё толком – почему-то не посмела, хотя никто не мог мне этого запретить. Помню, взяла сверху только несколько лезвий от опасной бритвы с архивными уже картинками на каждой упаковке – на память. И для детей – две плоские мисочки с белками на доньшках – мои ещё, любимые, из моего давнего детства в Жуковке, с трёх месяцев до четырёх лет.

Вот и всё... Остальное – погубило в огне безвозвратно и беспощадно. Награды... Шкатулка... На стенах комнат старые фотографии в большущих рамках под стёклами... Круглый стол...

Нескладные табуретки, многочисленные столики и сервант с посудой... Толстопузая синяя кастрюля с мучным НЗ... Папины весёлые занавески... Старомодный велосипед «Урожай» с широкими шинами, багажниками спереди и сзади и велосипедным рюкзаком типа «верблюд», свисавшим необъятными торбами по обеим сторонам заднего колеса... Потускневший от времени умывальник над стёртой

раковинной и пузырьки с жидкостью «Изумруд», приспособленные для утренних умываний с хвойными ароматами... Настольные часы с приклеенными цифрами, квадратиками вырезанными из листков отрывного календаря для лучшей различаемости... Тяжеленный резиновый плот, так и «встанутый» непросушенным на чердак – неосуществленная наша мечта – в летние каникулы «проплыть» четвером по Десне... Жёсткий деревянный диван на веранде... Зачем-то сорванная дедушкой в огороде мелкая головка чеснока – прямо со стебельком и крохами земли на корешках – положенная им на стол и так и оставшаяся лежать там без применения... Стопы газет «Советская Россия» и «Брянский рабочий» за многие годы, перемежавшиеся журналами «Работница» и «Крестьянка», толстыми лесными календарями и рыболовными справочниками... Плетённые из неошкуренного прута корзины для сбора в саду полудиких груш и грибов в жуковских и белоглавских лесах... Сработанные ещё руками бабушки Дуни, нехитрые, но такие уютные и домашние половики из разных, отслуживших своё, одежд и лоскутков... Допотопный черно-белый телевизор, дикторам которого на их ежедневное «здравствуйте» бабушка всегда неизменно-вежливо и уважительно отвечала, кивая головой в белом ситцевом платочке... Изношенная швейная машинка с тупой иглой и ручным управлением... Этажерка с письмами...

– Всё, всё поглотил и уничтожил беспощадный огонь...

Оставил только всполохи воспоминаний, с болью вырываемых сознанием из мрака забвения и небытия, ранящих душу неутолимой печалью и скорбью... Не вытесняемых...